

Философское краеведение

МОСКВА ФЕДОРА СТЕПУНА*

А.А. КАРА-МУРЗА

В 2014 г. исполнилось 130 лет со дня рождения философа, социолога, художественного критика, блестящего литератора и мемуариста, одного из «последних могикан» Серебряного века русской культуры Федора Августовича Степуна (1884 – 1965). Задачей данной статьи является исследование одной из основных «идентичностей» Степуна – *московской*¹, связанной с городом, где он родился, где он многие годы жил и из которого он, на одном из «философских паровозов» (в отличие от некоторых своих друзей, уплывших на чужбину морем), отправился в 1922 г. в изгнание.

Получившие известность в новой России эмигрантские мемуары Степуна «Бывшее и несбывшееся» начинаются удивительной картиной калужской глубинки, где автор провел детство: «На высоком берегу впадающей в Угру Шани, трудолюбиво обслуживающей турбины писчебумажной фабрики, стоит построенный покоем и выкрашенный в желтый цвет просторный двухэтажный дом...»² Литературное изящество описания провинциальной жизни в Кондрово, где отец Степуна работал директором той самой фабрики, не раз приводило в головах читателей (и даже некоторых исследователей) к невольной аберрации сознания: многие до сих пор искренне считают Степуна «уроженцем калужской деревни».

Между тем сам Ф.А. Степун в «Автобиографическом очерке», написанном в конце жизни для русской эмигрантской молодежи, ясно обозначил свое московское происхождение: «Родился я 6 февраля 1884 г., в Москве, в доме “Человеколюбивого общества” (можно сказать – обязывающее месторождение!)»³

Дом Императорского Человеколюбивого общества в Малом Злаустинском переулке был построен в 1877 – 1878 гг. в стиле псевдоготики по проекту архитекторов В.И. Веригина и Г.Б. Пранга для приюта детей воинов, убитых на русско-турецкой войне. Позднее здесь разместилась лечебница для неимущих больных, некоторые учреждения и общественные организации, а часть помещений была отдана под недорогое жилье⁴. В одной из таких квартир, в семье

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «“Локальные идентичности” как фактор развития русской философско-политической традиции», грант № 14-03-00798.

инженера-лютеранина Августа Степуна (именно так писалась фамилия: *Steppuhn*) и его жены Марии Степпун, урожденной Аргеландер⁵, 6 (18) февраля 1884 г. родился их первенец Фридрих (русское имя Федор он возьмет позднее). Крестили мальчика неподалеку — в немецкой реформатской церкви в Трехсвятительском переулке⁶. По настоянию русофильски настроенной матери, в 1895 г. Фридрих был перекрещен в православие в Кондрово, в храме Спаса Нерукотворного⁷.

В 1894 г., после семи лет, проведенных на берегах провинциальной Шани, родители привезли одиннадцатилетнего Фридриха и его десятилетнего брата Оскара (впоследствии — инженера-химика) в Москву, поступать в престижное в среде технической интеллигенции реальное училище при Евангелической лютеранской церкви св. Михаила⁸. Степун впоследствии вспоминал: «Поездки в Москву не помню. Вероятно потому, что в мечтах уже задолго до отъезда покинул Кондрово и жил страстным ожиданием столицы. Как пытливо я ни спрашивал о Москве, она оказалась для меня полною неожиданностью. Впервые увиденная и, главное, *услышанная* (курсив мой. — А. К.) мною Москва, встает в памяти ярким, ярмарочным лубком»⁹.

Действительно, еще больше, чем лубочные *краски* Москвы, поразили мальчика резкие и непривычные *звуки* Москвы: «Площадь перед Курским вокзалом встречает нас оглушительным шумом. Дребезжание полков и пролеток еще на железном ходу сливается с цоканьем подков по булыжнику и диким галдежом извозчиков... Мы нанимаем огромное допотопное ландо, запряженное парюю жирафообразных вороных кляч и, не слыша собственного слова... медленно трусим по узким переулкам и широким площадям к нашей гостинице»¹⁰.

Жанр «философского краеведения», в котором написана данная статья, подразумевает расшифровку описываемых мемуаристом пространственных пунктов. «Наша гостиница», о которой пишет Степун, — это почти наверняка популярный среди немецких гостей первопрестольной отель «Берлин» на углу Рождественки и Варсонофьевского переулка¹¹. Предположив это, уже нетрудно отыскать и балкончик четвертого этажа, с которого мальчик Фридрих, с непривычной для взрослого в провинции подростка высоты, наблюдал доступную его тогдашнему глазу вечернюю Москву: «Мама и фрейлейн Штраус распаковывают чемоданы. Я с балкона четвертого этажа взволнованно смотрю на спускающуюся под гору Рождественку. Широкие лошадиные спины рыбами проплывают по каменному дну бездны. Ноги сплюснутых карликов непривычно шмыгают из-под шляп и картузов... На меня, еще не видавшего мира вне той природно-канонической перспективы, к которой нас приучает плоская деревня, необычный образ как-то “кубистически” погружающегося в ночной хаос города произвел огромное и притом жуткое впечатление»¹².

Семилетняя учеба в реальном училище при лютеранской церкви св. Михаила (Степуна эта кирха всегда напоминала «гигантскую серокаменную улитку») сформировала у него еще одну самоидентификацию – с лефортовской Москвой, бывшей Немецкой слободой, куда Фридрих каждое утро добирался с братом из центра через Маросейку, Покровку, Земляной вал: «Дома в этой тишайшей части Москвы (опять именно звук становится важнейшим идентификационным маркером! – А. К.) стояли в то время все больше маленькие, одноэтажные, с мезонинчиками... Целых семь лет ходил я по два раза в день по неровным тротуарам лефортовских переулков на Вознесенскую гору: как хорошо, как привольно стояла церковь Вознесения на своем зеленом, садовом островке, среди каменного разлива трех стекавшихся к ней улиц...»¹³

С особой, *московской*, интонацией описал Степун и момент окончания училища – эта яркая и топографически точная картинка дружеской пирушки на Воробьевых горах является, на мой взгляд, одной из самых тонких в нашей литературе зарисовок «старой Москвы»: «В следующее же после торжественного акта воскресенье летят вниз по Тверской, через празднично-пустынную Красную площадь, по москательной-скобяному Балчугу, по тишайшей провинциальной Ордынке и дальше мимо Нескучного сада к знаменитому ресторану Крынкина три лихацких пролетки... Милый, старомосковский воздух напоен горьковатым запахом буйно цветущей за заборами черемухи. Обедали мы совсем как взрослые: закуска, котлеты “de volaille”, гурьевская каша и к ней две бутылки шампанского, чтобы чокнуться... После чая мы спускаемся к Москва-реке, переправляемся на другой берег и медленно пустырями, пахотами и огородами пробираемся к Новодевичьему монастырю, спасательному пристанищу многих трудных минут моей последующей жизни»¹⁴.

Москва перед мировой войной – отдельная и очень яркая тема для Степуна-мемуариста. В отличие от многих современников, называвших период 1907 – 1914 гг. «потерянным временем», периодом «консервативного отката» и мечтавших о новом «приливе», Степуна нравился цивилизационный рост России, та энергия, с которой «русская жизнь в “темные годы”» реакции боролась против интеллигентской революции. Литератор, вскоре прошедший окопы Первой мировой войны, уподобил спонтанно развивавшуюся довоенную Москву «*ничейной полосе*» между охранительством и революционаризмом: «Как в межфронтной полосе, под перекрестным огнем двух вражеских станов, каким-то чудом сажалась и выкапывалась насыщенная картошка, так и в России накануне Великой войны наперекор смертному бою охранного отделения и боевой организации, на жалкой почве, как-никак добытой 1905-м годом свободы, вырастала какая-то новая, с году на год все крепнущая жизнь... Силовая станция всероссийской куль-

турной работы находилась, конечно, в Москве, вдали от министерств и правительственных канцелярий»¹⁵.

Немало страниц посвятил Степун описанию впечатляющих изменений городской архитектуры: «Всюду, как грибы после дождя, выростали дома. Недалеко от Красных ворот забелела одиннадцатизэтажная громада дома Орлика. У Мясницких ворот высоко подняла свои круглые часы башня нового почтамта... На плоской крыше многоэтажного дома Нирнзее с уютными квартирами для холостяков (комфорт модерн) раскинулось совсем по-европейски нарядное кафе (на этой смотровой площадке первого городского небоскреба в самом центре Москвы Степун, судя по всему, неоднократно бывал. — А. К.). Особенно быстро преобразалась “улица святого Николая”, интеллигентский Арбат. Едешь и дивишься — что ни угол, то новый дом в пять-шесть этажей»¹⁶.

Изложение Степуном «метафизики» предвоенной Москвы¹⁷ следует, конечно, дополнить его статьями середины 1930-х гг., посвященными встречам автора с некоторыми выдающимися москвичами-современниками. Когда в январе 1834 г. в Москве скончался Андрей Белый (коренной житель Арбата Борис Николаевич Бугаев), Степун откликнулся на это печальное событие статьей в парижских «Современных записках»: «После внезапного отъезда Белого из Берлина в Россию, я, думая о Москве, постоянно думал и о нем в ней... Нет сомнения — смерть Белого это новый этап развоплощения прежней России и старой Москвы. Это углубление нашей эмигрантской сироты и нашего одиночества»¹⁸. В этой статье, посвященной Белому, Степун вновь обратился к своей излюбленной теме — так много обещавшему предвоенному культурному взлету России: «В Москве, в которой жил тогда Белый и на фоне которой помню его, шла большая, горячая и подлинно-творческая духовная работа. Протекала она не только в узком кругу передовой интеллигенции, но захватывала и весьма широкие слои»¹⁹.

Об этом же — написанный также в середине 1930-х гг. очерк Степуна о Вяч.И. Иванове, жившем тогда в Риме. Степун здесь не в первый раз припомнил парадоксальную мысль Фридриха Шлегеля о том, что вся древнегреческая культура выросла в свое время «из того творческого досуга, которым в богатейшей Греции располагали высшие слои общества», а, следовательно, «античная праздность — есть высшая форма общественной жизни». Московская жизнь начала XX в., развивая Степун парадокс Шлегеля, «была в этом смысле подлинно античной»: «У всех людей, принадлежавших к высшему культурному слою, у писателей, поэтов, публицистов, профессоров, присяжных поверенных и артистов было очень много свободного времени. Ходить друг к другу в гости, вести бесконечные застольные беседы, заседать и публично дискутировать в философских обществах считалось таким

же серьезным делом, как читать университетские лекции, выступать на судебных процессах и писать книги... По всем редакциям, аудиториям и гостиным ходили одни и те же люди, подлинные перипатетики, члены единой безуставной вольно-философской академии»²⁰.

В предвоенные годы Степун и сам, как мог, активно включился в культурно-просветительскую работу. Два московских адреса считал он в те месяцы для себя важнейшими. Во-первых, — дом вечерних Пречистенских рабочих курсов в Нижнем Лесном (ныне Курсовом) переулке, где он читал для всех желающих популярный курс философии. И, во-вторых, особняк на углу Воздвиженки и Большого Кисловского переуллка, где при «Обществе распространения технических знаний» было организовано «Бюро провинциальных лекторов». Командируемый этим Бюро, Федор Степун объездил в предвоенные годы с просветительскими лекциями пол-России — «от Смоленска до Коканда и от Петербурга до Одессы и Кавказа»²¹.

В сложные моменты жизни Федор Степун возвращался в старый родительский дом около Остоженки: сюда он приехал после трагической смерти первой жены²²; сюда успел на несколько часов заехать в октябре 1914 г. к умирающему отцу перед отправкой своего эшелона на Галицийский фронт. Не сохранившийся дом № 5 в Штатном (ныне Кропоткинском) переулке принадлежал вдове московского почетного гражданина Н.В. Кан. Большая семья Степунов занимала в особняке целый этаж: младшие дети еще жили с вместе с родителями.

В 1911 г. Степун вторично женился — на студентке историко-философского отделения Высших женских курсов Наталье Никольской. Ее родители — Николай Сергеевич и Серафима Васильевна — жили в большой квартире на Тверской, в пятиэтажном доходном доме товарищества «А. Бахрушин и сыновья», построенном в 1900 — 1901 гг. в стиле «ар-нуво» архитектором К.К. Гиппиусом, семейным архитектором купцов и меценатов Бахрушиных. Владельцем дома был А.А. Бахрушин — собиратель театральной старины, создатель частного литературно-театрального музея²³.

В годы Первой мировой войны Ф.А. Степун воевал в 3-й батарее 12-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады в Галиции, Венгрии, Лифляндии, пройдя путь от прапорщика до поручика. Эти тяжелые фронтовые месяцы стали для него временем большой внутренней работы и нравственного роста. «Я живу сейчас так интенсивно, как еще никогда не жил, — писал он с фронта жене в апреле 1915 г. — Я, безусловно, сильно отстану от передовых людей науки в книжной начитанности, но я с каждым днем все яснее ощущаю, как я сам в себе крепну и утверждаюсь. Во мне сейчас много самого первоначального знания о самой сущности жизни»²⁴.

Будучи на фронте, Степун на собственном опыте ясно осознал, насколько идеология и нарочитое «умничанье» (даже «патриоти-

ческое») искажает и профанирует реальную жизнь. 10 апреля 1915 г. он написал из Венгрии своему другу и коллеге-философу Сергею Гессену об «ужаснейшей лжи нашей идеологии»: «“Отечественная война”, “Война за освобождение угнетенных народностей”, “Война за культуру и свободу”, “Война и св. София”, “От Канта к Круппу”, – всё это отвратительно тем, что из всего этого смотрят на мир не живые, взволнованные чувством и мыслью пытливые человеческие глаза, а какие-то слепые бельма публицистической нечестности и философского доктринерства»²⁵.

Во фронтовых письмах Степуна ярко проявилась его глубинная *московская идентичность*. Достаточно прочесть письмо жене от 5 апреля 1915 г., где он, отказываясь от собственно военных описаний, пересказывает Наташе один ночной сон: «Расскажу тебе лучше, как я недавно не то в мечтах, не то в забытии был в Москве. Приехал я на Брестский вокзал и вышел на платформу. В Москве стоят иногда прекрасные ранние весенние вечера... Я взял хорошего извозчика и тихо, обязательно тихо, поехал по Тверской к Страстному... Еду и все прошу тише, тише, и все смотрю, смотрю по сторонам... Странно, все настоящее, самое настоящее, привычное, московское. Так, значит, Москва еще есть, а ведь мне не верилось... Особенно странно видеть изящных, нарядных женщин; почти непонятно, что это за существа. Помнится, я бывал когда-то среди них... Итак, я действительно я. Вот этот я, который едет сейчас на извозчике в серой шинели, в высоких сапогах, в усах и бородке, и есть тот же самый, который сидит с ним рядом, бритый, длинноволосый, в широкополой шляпе и широком пальто... Боже, что отдал бы я за то, чтоб быть в Москве с тобою...»²⁶

В ноябре 1915 г. Федор Степун был ранен и затем долго лечился – сначала в госпитале в Риге, потом в Пскове, а затем девять месяцев в «Евангелическом полевом лазарете» в Москве на углу Яузского бульвара и Малого Николоворотного переулка. «Просторный барский особняк, стоявший в довольно большом саду за чугунною решеткою»²⁷ – это бывшая городская усадьба начала XIX в. сенатора и камергера, крупного историка М.Г. Спиридова. В конце 1890-х гг., по заказу новой владелицы, Ф.К. Рюхардт, архитекторы С.Ф. Воскресенский и В.А. Коссов перестроили главный дом в стиле европейского романтизма. В 1910-х гг. в усадебном комплексе Спиридова-Рюхардт разместилась лечебница О.Г. фон Шимана, а с началом войны Евангелическая община передала ее под лазарет, финансируемый московской благотворительницей Евгенией Ивановной Мак-Гиль (Джей Мак-Гил, шотландкой по происхождению, вдовой миллионера Р. Мак-Гиля). «Евангелический полевой лазарет» возглавил профессор Александр Николаевич Гагман (Степун называет его на немецкий манер «Гагеманном») – выдающийся хирург и один из первых в России рентгенологов. То, что изувеченную ногу удалось после многочислен-

ных операций спасти, — заслуга врачей «Евангелического лазарета», куда, как считал Степун, его «привела счастливая звезда»²⁸.

17 января 1916 г. Степуну удалось отпроситься из больницы на заседание Московского Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, которое проходило в особняке М.К. Морозовой в Мертвом (ныне Пречистенском) переулке. Позднее Степун с большим сарказмом описал этот вечер в письме Сергею Гессену: возможно поэтому участники у него зашифрованы буквами X, Y, Z и т.д., но, впрочем, легко разгадываются. Пришедший на костылях, он на некоторое время стал объектом всеобщего внимания. С докладом «Софийность мира» выступал С.Н. Булгаков — «профессор, экономист и богослов»²⁹. В письме С. Гессену Степун не пытался скрыть своего раздражения: «Прения затянулись далеко за полночь, и мне было на этот раз определенно тяжело и неприятно их слушать. Все время перед глазами стояло озеро Бабит и бурые болота боевых участков под Ригей. Куда-то проходили цепи серых сибирских стрелков, все время в ушах трещали пулеметы, раскатывались оружейные выстрелы, стонали раненые — и не ладно врывались во все это на все лады произносимые слова о святой Софии. В моем оторванном от ученой жизни сознании голубая София превращалась в голубое озеро, а голубое озеро в озеро Бабит... Казалось, что вокруг стола-озера сидят не то знакомые ученые, не то солдаты-сибиряки, и вместо того, чтобы идти наступать, все говорят, спорят, кричат. Все сливалось в какой-то мучительный хаос, в тяжелый кошмар»³⁰.

Окна больничной палаты Степуна, обращенные на юг, выходили в сторону Яузы и поднимавшегося за ней Таганского холма. В конце марта 1916 г. он пошел на поправку и, стремившийся быстрее вернуться в родную батарею, радовался наступившей весне и по-московски благодушно писал С.И. Гессену в Петербург: «На днях в Москве началась весна. Самая первая, самая тихая, самая моя любимая. Я сижу ранним утром у большого окна, и яркий луч весеннего солнца горючит мое левое ухо... Мне страшно хочется за окно! В нем видно несколько, как говорят у вас в Петербурге, “кварталов” Москвы, 12 церквей и синеливовую опушку загородного леса. Переулки и сады Таганского холма уж почернели, синие дымки при выходе из труб уже не поднимаются вверх, как в недавние зимние дни, а нервно треплются в порывистом весеннем ветре. Луковки церквей, влажные места железных крыш и некоторые стекла окон горят и лучатся, как крылья жар-птицы в няниных сказках...» «Очень извиняюсь, — удивляется сам себе Степун, — за совершенно неожиданное для себя самого написание в строгий и дельный Петербург моей весенней московской маниловщины»³¹.

В начале ноября 1916 г. Ф.А. Степун вернулся в батарею на Галицийский фронт. Он тогда слабо верил в удачный для России исход войны: «Иной раз, внутренне созерцая Россию и всю накопившуюся

в ней ложь, я решительно не представляю себе, как мы доведем войну не до победного, конечно, но хотя бы до не стыдного, приличного мира...»³² Тем не менее он принял активное личное участие в демократической трансформации России после падения самодержавия (себя он до конца жизни считал «человеком Февраля»): был делегатом от фронта в Центральном Исполнительном комитете в Петрограде, а летом-осенью 1917 г. работал в Политуправлении при военном министерстве, будучи близким сотрудником Б.В. Савинкова.

После переезда поздней осенью 1917 г. из Петрограда в Москву Степуны более года прожили в квартире Никольских. Не всякий извозчик соглашался тогда везти на Тверскую и в Козихинский, находившиеся в центре боев белых юнкеров с красной гвардией: стреляли и от Страстного монастыря, и с крыши высотного дома Нирнзее в Гнездиновском переулке. Закрепившиеся в городе большевики разместили свой Военно-революционный комитет совсем рядом — в бывшем доме генерал-губернатора. Степун вспоминал о тех днях: «По внешности наша жизнь была как будто бы еще та же, на самом деле все было уже иным. Прошлое еще присутствовало в нашем домашнем обиходе, но лишь так, как угасающий больной присутствует среди здоровых. Всякое слово о нем было словом прощания с ним»³³.

Между тем в Москве, примерно до середины 1918 г., еще сохранялась некоторая свобода печати. Степун согласился тогда войти в редакцию формально независимой, а по сути правозсеровской, газеты «Возрождение», которой финансово помогали через свои посольства союзники по Антанте и во главе которой встал близкий друг еще по Гейдельбергу И.И. Бунаков-Фондаминский³⁴. Каждое утро в течение нескольких месяцев Степун ходил пешком в редакцию «Возрождения», находившуюся в новопостроенном «доме-утюге» на углу Спиридоновки и Гранатного переулка. Идти было недалеко: до угла Тверской, где еще стояла закрытая большевиками церковь Дмитрия Солунского (снесена в 1934 г.), мимо громады Страстного монастыря (через год он будет упразднен, а его кельи заняты Военным комиссариатом Троцкого) и далее вниз по Тверскому бульвару.

И всякий раз охватывало Степуна странное ощущение от непривычной для него Москвы — *«будто бы еще своей»*, но *«уже ускользающей от тебя...»* Единственное, что удерживало в его сознании прежний образ первопрестольной — это Пушкин, «светлое имя которого еще в раннем детстве таинственно прозвучало мне в соседнем с нашим Кондровым “Полотняном заводе” Гончаровых»³⁵. Ибо оставались на своих местах и стоявший тогда спиной к Тверскому бульвару пушкинский памятник Опекушина, и Церковь Большого Вознесения у Никитских ворот, где поэт венчался.

Последний московский адрес Ф.А. Степуна — Малая Никитская улица, 21, откуда он, собственно, и отправился в эмиграцию. До ре-

волюции владельцем старинного особняка³⁶ был московский потомственный почетный гражданин М.М. Кожевников. Советская власть заселила особняк новыми жильцами; уплотнили и большую квартиру № 2 на втором этаже, где проживала сестра Степуна Мария Августовна с мужем — инженером-химиком Д.Н. Поповым, оставив за ними три небольшие комнаты, в одной из которых поселились Федор и Наталья Степуны. В остальных комнатах «жили преимущественно актеры, долго спавшие по утрам и бесцеремонно шумевшие по ночам»³⁷.

Увы, Степун пишет о своих тогдашних соседях мимоходом и даже с некоторым раздражением; а ведь о новых жильцах второго этажа дома на Малой Никитской можно было бы написать целое исследование. Так, «красавица-актриса», поселившаяся с сыном в бывшей столовой Поповых, — не кто иная, как переехавшая в Москву звезда немых, еще дореволюционных кинолент, прима «Камерного театра» Таирова, впоследствии «муза» Есенина (которой поэт посвятил цикл «Любовь хулигана») Августа Леонидовна Миклашевская.

А «молодой режиссер», подолгу занимавший по утрам ванну, — выдающийся театральный новатор Николай Михайлович Фореггер, потомок австрийских баронов, основатель «Мастфора» («Мастерской Фореггера») на Арбате, у которого помощниками режиссера начинали Сергей Эйзенштейн и Сергей Юткевич, заведующим музыкальной частью был Матвей Блантер, а актерами — Борис Барнет, Сергей Герасимов и Тамара Макарова. И в той самой квартире на Малой Никитской Фореггер репетировал постановки «Театра четырех масок», в которых были заняты молодые Игорь Ильинский и Анатолий Кторов — отсюда, возможно, и так раздражавший Степунов шум и беспорядок в квартире.

Кстати, во время обыска в комнате Степуна 17 августа 1922 г., проведенного в его отсутствие³⁸ по ордеру, подписанному зам. Председателя ГПУ Уншлихтом и начальником Оперативного отдела Паукером, «шумные соседи» дали на Степуна вполне сочувственные показания. Августа Миклашевская: «Знаю его как человека науки; он часто читает лекции о театре и по другим вопросам науки и искусства. Степуны сейчас находятся в д. Поповке верст 40 — 45 за Москвой, где он пишет какие-то статьи и др. В данный момент гражданин Степун болен коклюшем»; Николай Фореггер: «Гражданина Степуна Федора Августовича знаю мало. В вопросе искусства нашего он человек со старыми взглядами, которые хочет комбинировать с нынешним положением вопросов культуры, в частности искусства у нас в России»³⁹.

В ближайший приезд в Москву Степун явился по повестке в «большой дом» на Лубянке к начальнику IV Отдела ГПУ Решетову и дал следующие показания: «Степун Федор Августович, 38 лет, род занятий — литератор. Женат, детей нет. Беспартийный. Образование — доктор философии Гейдельбергского университета. До войны 1914 г.

нигде не служил, редактировал “Логос”. До февральской революции 1917 г. на фронте прапорщиком — окончил поручиком: был избран на Юго-Западном фронте в члены ЦИК I созыва. С октябрьской революции до ареста жил у себя в деревне, т.е. в бывшем имении родителей моей жены, где велось трудовое хозяйство. Работал в Государственном показательном театре. Член художественной Академии наук, преподавал в театральных студиях и пр.»⁴⁰

По поводу предъявленного обвинения в антисоветской деятельности Степун дал следующие показания: «Как гражданин, отношусь к советской власти определенно лояльно. С начала ее победы считал и считаю всякую внешнюю вооруженную борьбу с ней политической ошибкой. По существу, как философ, считаю большевизм очень сложной религиозной и моральной болезнью русской народной души, которая, однако, безусловно пойдет на пользу ее духовного роста... К эмиграции отношусь отрицательно. И больная жена мне жена, но француз-доктору, который ее лечит, она никогда не жена. Эмиграция, не пережившая революцию дома, лишила себя возможности действительного участия в воссоздании духовной России»⁴¹.

В итоге следствие пришло к выводу, что «гр-н Степун Федор Августович с момента октябрьского переворота и до настоящего времени не только не примирился с существующей в России в течение 5 лет Рабоче-Крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей анти-советской деятельности в моменты внешних затруднений для РСФСР... А посему, в целях пресечения злостной анти-советской деятельности гр. Степуна Ф.А. выслать из пределов РСФСР за границу. Принимая во внимание заявление гр. Степуна с просьбой разрешения выезжать за границу на собственный счет, таковое разрешить, обязав его подпиской о выезде в десятидневный срок за границу»⁴².

Уже в эмиграции, в цикле очерков «Мысли о России» (бесспорно выдающихся по своей историософской глубине) Ф.А. Степун попытался осмыслить и описать произошедший с Россией и искореживший его собственную жизнь экзистенциальный переворот, сломавший все привычные человеческие «идентичности»: «Словно кто внезапно рванул все двери классовых, сословных и профессиональных убежищ, выгнав наши души в бескрайние просторы чего-то исконно и первично человеческого»⁴³.

Этот тектонический сдвиг бытия не только выбил миллионы людей из привычных контекстов существования, но и до предела оголил все его первичные смыслы: «В страшные первые годы большевистского царствия мы не только поняли, что есть хлеб, кров, одежда, но также и то, что есть любовь, дружба и верность; родина, государство, семья. Поняли, кто поэт, кто ученый, кто герой, кто трус, кто настоящий русский человек, а кто на Руси прохожий. Все встало и определилось в своем подлинном удельном весе»⁴⁴.

В 1920-е гг., в Берлине, Париже, Дрездене Степун много писал о большевистской Москве, изменившей, по его мнению, не только облик, но и свое существо: «Москва 1919 года напоминала, особенно под вечер и ночью, древнюю Москву Аполлинария Васнецова. Темные окна. Занесенные тротуары. Нанесены сугробы. Ныряют по ним изредка одинокие извозчицы санки... Идешь — озираешься, нет ли где за углом чекиста-опричника, и невольно вздрагиваешь, слышав чьи-то смелые, громкие голоса. Но не то, конечно, в первую очередь важно, что чекист, смешивая исторические перспективы, обращал наши взоры к древнему облику Москвы, а то, что, стирая грани жизни и смерти, обращал наши души к Вечности»⁴⁵.

Москва, внешне отброшенная в архаику, в своих обнажившихся метафизических глубинах оказалась перед лицом Вечности — в этом проявилась новая, возможно, самая фундаментальная ее идентичность: «На каждом перекрестке стояла судьба, каждый поворот жизни был выбором между верностью и предательством, между честью и подлостью. Во внешне до убожества упрощенной жизни на каждом шагу свершались нравственно бесконечно сложные процессы. Обесмыслились все впрок заготовленные точки зрения, жизнь требовала живых пытливых глаз»⁴⁶.

Наряду с очевидной социальной варваризацией, согласно Степуну, свершался в Москве и иной процесс — процесс удивительного «*восхождения душ*» и «*жизни на вершинах*»: «О, конечно, не всех, но тех, в которых спасалась душа России... Глубже всего свершалось в Москве, которая отнюдь не была только грязным и разваливающимся, но и совершенно фантастическим городом, в котором призрачно переплетались все времена и пространства русской истории...» И тому были не менее глубокие экзистенциальные причины: «Чтобы устоять, чтобы оградить себя от самого страшного, от гибели души и совести, надо было иметь живые, неподкупные глаза и владеть даром интуитивного распознавания “духов”. Жизнь на “вершинах” становилась биологической необходимостью; абсолютное “бытие” переставало быть возвышенным предметом философского созерцания и поэтического вдохновения, с каждым днем оно все больше становилось единственно возможной опорой нашей каждодневной жизни»⁴⁷.

В своих мемуарах Степун приводит несколько примеров этой «вершинной жизни», разумеется, разорванной и фрагментарной, но единственно для автора *своей*. Одним из таких «островков» прежней Москвы была для Степуна квартира его друга Александра Соломоновича Шора на углу Большой Никитской улицы и Большого Кисловского переулка⁴⁸. Бывший владелец фабрики роялей и находящегося в нижнем этаже дома музыкального магазина, оказавшийся при Советской власти простым настройщиком с сильно поредевшей клиентурой, проживал в квартире на Большой Никитской с женой

Раисой Моисеевной (всю жизнь проработавшей в благотворительности), сыном-музыкантом Юрием и дочерью Ольгой – историком и искусствоведом, впоследствии активно печатавшейся в эмиграции под псевдонимом «Ольга Дешарт». Часто в квартиру к старшему брату приходил пианист-виртуоз и музыкальный педагог Давид Соломонович Шор – организатор, вместе со скрипачом Крейном и виолончелистом Эрлихом, европейски знаменитого «московского трио».

Степуна особенно запомнились последние перед его высылкой из России вечера в квартире Шоров в июле-августе 1922 г.: «Как памятны мне поздние летние вечера на небольшом балконе у Шоров. Летняя Москва была по-старому полна своею милою провинциальною грустью. Пахло пылью, нагретым за день железом крыш и увядающим жасмином... В гостиной о чем-то несбыточном раздумчиво пела виолончель Юрия Шора и было до полной утраты ощущения своего собственного “я” непонятно, почему засевшие в недалеком Кремле большевики творят в этом тихом, печально-прекрасном мире свое злое, громкое, бескорбно-мажорное дело и почему, творя его, они приглашают в Кремль трио “Шор, Крейн и Эрлих” и слушают музыку чуть ли не со слезами на глазах»⁴⁹.

Другим духовным прибежищем стала для Степуна квартира философа и публициста Николая Александровича Бердяева в Большом Власьевском переулке, где проходили первые заседания «Вольной Академии духовной культуры»⁵⁰. Степуна принадлежит возможно лучшее в отечественной литературе описание духовно насыщенной атмосферы бердяевского дома: «Небольшая писательская квартира, чадит железная печка, холодно. Кто в драповом пальто, кто в фуфайке, многие в валенках. На чайном столе ржаной символ прежних пирогов и печений и изобретение революции, керосиновая свеча. В комнате почти вся философствующая и пишущая Москва. Иногда до 30 – 40 человек. Жизнь у всех ужасная, а настроение бодрое и в корне, по крайней мере, – творческое, во многих отношениях, быть может, более существенное и подлинное, чем было раньше, в мирные, рыхлые, довоенные годы»⁵¹.

Оказавшись в Германии и ностальгируя по Москве своей молодости, Ф.А. Степун, однако, не мог согласиться с бытовавшим в эмигрантских кругах убеждением, что это, мол, новые большевистские правители «беспощадно стерли с Москвы ее стародавний облик». «Облик этот начал меняться задолго до большевиков, – возражал Степун. – Спору нет: большевизм проявил в своем коммунистически-государственном грюндерстве много бестактности и безвкусицы, но ведь и в вольном меценатски-купеческом строительстве не было недостатка ни в том, ни в другом. Достаточно вспомнить Врубелевскую мозаику на Метрополе, громадные золотом окаймленные лиловые ирисы всем нам памятного особняка <Рябушинского> недалеко

от Никитских ворот, неоготический замок <Зинаиды> Морозовой глубоко во дворе на Спиридоновке, и знаменитый по своей нелепости особняк <Арсения Морозова> на Воздвиженке в мавритански-готическом стиле, с его усыпанными раковинами и окантованными каменными морскими канатами башнями». По мнению Степуна, «все эти стилистические изощрения подходили к старой Москве не больше, чем здание Моссельпрома»⁵².

В степуновской констатации того, что Москва начала радикально меняться по меньшей мере за десятилетие до прихода неомодернистов-большевиков, проявился и его своеобразный оптимизм: «Единственное, что можно сказать в защиту вольного московского строительства, это то, что в Москве всякая нелепая причуда всегда была больше к лицу, чем покорное послушание закону планового строительства». «Иногда мне, впрочем, думается, — добавлял Степун, — что при внимательном рассмотрении советской столицы, образ которой, несмотря на сотни фотографий, мне все еще как-то не видится, и в ней где-нибудь да скажется исконный русский дар всё — хорошо ли, плохо ли — переделывать на собственный лад...»⁵³

«Идеальная Москва» для Степуна — это непрерывное вольное творчество, самовоспроизводящаяся энергетика города, не опосредованная ни буржуазным рынком, ни, тем более, чьей-то авторитарной волей. Как бы там ни было, ясно, что сам Ф.А. Степун, москвич не только по рождению, но и по духу, внес в осмысление *метафизики* Москвы, а, значит, и в ее пребывающую в постоянном развитии *идентичность*, свои неповторимые краски и ноты.

...А перед самым отъездом в вынужденную эмиграцию он вдруг снова, в последний раз ощутил *свою Москву*: «До отъезда оставалась неделя. Каждый день мы с женой ходили к кому-нибудь прощаться. Ходили по всей Москве: со Смоленского рынка на Солянку, с Мясницкой к Савеловскому вокзалу, и странное, трудно передаваемое чувство с каждым днем все больше и больше укреплялось у нас в душе: *чувства возвращения нам нашей Москвы* (курсив мой. — А. К.), Москвы, которую мы уже долго не видали, как будто совсем потеряли и вдруг снова нашли. В этом новом чувстве нашей Москвы снова торжествовала свою победу вечная диалектика человеческого сердца, которое окончательно овладевает предметом своей любви всегда только тогда, когда его теряет...»⁵⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Понятие «локальная идентичность», постепенно обживающееся в научной литературе, было применено автором в отношении двух других персонажей русского «Серебряного века» — Б.К. Зайцева и Н.А. Бердяева (см.: *Кара-Мурза А.А. Данте и Пушкин (Флорентийско-московские размышления Б.К. Зайцева) // Россия, история и политика: к 80-летию И.К. Пантина. — М., 2010. С. 113 — 154; Кара-*

Мурза А.А. Бердяевская Москва. Опыт философского краеведения // Философские науки. 2014. № 4. С. 65 – 77.

² *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. – СПб.: Алетей, 2000. С. 7. Двухэтажный дом этот, к счастью, сохранился. 25 сентября 2009 г. (в год 125-летия со дня рождения Степуна) я, вместе с моим другом и крупнейшим степуноведом В.К. Кантором, был в числе главных инициаторов открытия в Кондрово мемориальной доски. На ней надпись: «В этом доме с 1887 по 1894 гг. жил Федор Августович Степун – выдающийся русский философ, писатель, профессор, большую часть жизни проведший в вынужденной эмиграции, идейный борец с тоталитаризмом».

³ *Степун Ф.А.* Автобиографический очерк. // Старые – молодым. – Мюнхен, 1960. С. 91.

⁴ Сегодня в доме № 4 по Малому Златоустинскому переулку расположены департаменты Правительства Москвы.

⁵ Дед Степуна из рода кальвинистских пасторов шведско-финского происхождения (в его жилах текла также кровь бежавших из Франции гугенотов) женился на коренной москвичке. Внимательнее заняться своей родословной Ф.А. Степуна, в то время профессора в Дрездене, заставила расистская политика Третьего рейха: «Мое арийское происхождение мне, однако, не помогло. В 1937 г. я был уволен в отставку за “Русский национализм, практикующее христианство и жидопослушность”» (см.: *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. С. 40.)

⁶ Сегодня в доме № 3 по Трехсвятительскому переулку находится Московская центральная церковь евангельских христиан-баптистов.

⁷ Степун в своих мемуарах приходит к выводу, что к православию его привела не только его «большая мистическая и догматическая глубина», но и «вся прожитая в России и с Россией жизнь»: «Такое русское детство, как наше кондровское... с двенадцатилетнего возраста поэтическая влюбленность в Лизу Калитину и Наташу Ростову, женитьба и первым и вторым браком на коренных русских женщинах и, наконец, в революцию, пять лет трудовой, крестьянской жизни на русской земле – все это неизбежно должно было превратить в подлинно русского человека не только близокровного России полупруссака, как я, но и совершенно инокровного ей грузина или еврея» (см.: *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. С. 45).

⁸ Руководил училищем действительный статский советник, протестантский пастор Г. фон Ковальциг, который умел привлечь к преподаванию лучшие силы, в том числе и по гуманитарным дисциплинам. Достаточно сказать, что русскую словесность Степуно и его однокашникам преподавали А.Е. Грузинский, тогда еще молодой историк русской литературы, в будущем председатель «Общества любителей русской словесности», и А. Лютер, совсем юный в те годы выпускник Московского университета, в будущем автор наиболее авторитетного немецкоязычного издания «Истории русской литературы». Всеобщая история преподавалась в училище на немецком языке.

⁹ *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. С. 28.

¹⁰ Там же.

¹¹ Сейчас в этом здании находится Институт востоковедения Российской Академии наук.

¹² *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. С. 28 – 29.

¹³ Там же. «Три улицы», помнящие юного Степуна, – это бывшая Гороховская (ныне – Казакова), бывшая Вознесенская (ныне – Радио) и сохранивший свое на-

звание Токмаков переулков. Стоит сегодня на своем месте православный Храм Вознесения Господня на Гороховом поле, построенный в XVIII в. на землях канцлера петровских времен Г.И. Головкина. Однако, увы, утрачены многие другие строения этой части «спесуновской Москвы»: и уникальная Michael-Kirche – духовный и культурный центр московских лютеран (закрыта в 1928 г. и позднее снесена), и комплекс зданий Михайловского реального училища.

¹⁴ *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. С. 48. В самом конце второй главы «Бывшего и несбывшегося», написанной в начале 1938 г., Степун, вдали от Москвы, снова рассуждает о своей тайной сопричастности Новодевичьему монастырю и его погосту: «Россия темнеет перед глазами бескрайним кладбищем... Стоят ли еще в Новодевичьей ограде кресты и памятники на дорогах могилах? Иной раз кажется, что их уже не найти. Войду ли я когда-нибудь в знакомые монастырские ворота или так до конца жизни только и буду в тоске перечитывать изумительные строки тоже уже умершего Белого (и тоже похороненного на Новодевичьем. – А. К.): Из мира, суетной тюрьмы, // В ограду молча входим мы...» (Там же. С. 49.) По мнению Н. Сегал (Рудник), обращение Степуна-мемуариста к образу «Воробьевых гор» и «Новодевичьего монастыря» (Степун, очевидно, знал о надругательствах над его захоронениями 1930-х гг.) является сознательным включением в метафизическую традицию, связанную с именами Александра Герцена, Сергея и Владимира Соловьевых, Александра Блока и Андрея Белого (см.: *Сегал (Рудник) Н.* Андрей Белый и Федор Степун: память и воспоминание // *Toronto Slavic Quaterly*. 2012. № 42. С. 75 – 152).

¹⁵ Там же. С. 154, 157.

¹⁶ Там же. С. 154 – 155. Название «улица святого Николая» (на Арбате стояли целых три храма в честь Николая Чудотворца – Николы на Песках, Николы в Плотниках и Николы Явленного), известное с XVIII в., обрело новую популярность после выхода очерка Б.К. Зайцева, первоначально опубликованного в редактируемом Степуном московском альманахе «Шиповник», а затем давшего имя вышедшей уже в эмиграции книге. Степун оценивал зайцевскую «Улицу святого Николая» как выдающееся произведение о Москве, наполненное «особенной взвихренной музыкой», где буквально «слышен бокальный звон предреволюционных либеральных банкетов в “Праге”, но и тяжелый шаг командора подходящей революции» (*Степун Ф.А.* Борису Константиновичу Зайцеву – к его восьмидесятилетию // *Степун Ф.А.* Сочинения / сост., вступит. статья и коммент. В.К. Кантора. – М., 2000. С. 735).

¹⁷ Проблематика *феноменологии ландшафта* – одна из старейших в творчестве Степуна. Достаточно вспомнить его раннюю работу 1912 г., посвященную сравнению философского смысла «ландшафтов» итальянской Тосканы, Германии и центральной России (см.: *Степун Ф.* К феноменологии ландшафта // *Труды и дни*. 1912. № 2. С. 52 – 56).

¹⁸ *Степун Ф.А.* Памяти Андрея Белого // *Степун Ф.А.* Соч. С. 704 – 705.

¹⁹ Там же. С. 705.

²⁰ *Степун Ф.А.* Вячеслав Иванов // *Степун Ф.А.* Соч. С. 722 – 723. Ностальгические размышления о предвоенной России как о «золотом веке культуры», не раз встречаются и у Н.А. Бердяева, и у Б.П. Вышеславцева, и у других русских мыслителей-эмигрантов. Наиболее емко общую идею о России, как «лучшей Европе», сформулировал в 1938 г. в парижских «Русских записках» друг Степуна – Г.П. Федотов: «Петровская реформа действительно вывела Россию на мировые

просторы, поставив ее на перекрестке всех великих культур Запада, и создала породу русских европейцев... В течение долгого времени *Европа, как целое, жила более реальной жизнью на берегах Невы или Москвы-реки* (курсив мой. – А. К.), чем на берегах Сены, Темзы или Шпрее» (цит. по: Федотов Г.П. Судьба и грехи России. – СПб., 1992. Т. 2. С. 178.)

²¹ Сегодня в этом доме по адресу Большой Кисловский переулок 1/12 работает Институт языкознания РАН.

²² Анна Серебренникова, с которой Степун познакомился во время учебы в Гейдельберге, трагически погибла в Ковно (Каунасе) в 1908 г.

²³ Тесть Степуна владел небольшой фирмой, продававшей фотографические и типографские принадлежности, и выбор им квартиры в доме на Тверской был не случаен: нижние два этажа, выходявшие огромными окнами на оживленную (хотя в те времена еще довольно узкую) улицу, были заняты московским представительством французской фирмы братьев Пате, специализировавшейся на продаже патефонов, фонографов, проекционных аппаратов, а позднее и на самостоятельном производстве фильмов. Квартиры жильцов находились на трех верхних этажах: вход был не только с улицы, но и с большого двора со стороны Козихинского переулка. Доходный дом Бахрушина на Тверской, сегодня числящийся под № 12, уцелел в почти неизменном виде после расширения и радикальной реконструкции улицы в конце 1930-х гг.

²⁴ Степун Ф. Из писем прапорщика-артиллериста. – Прага: Пламя, 1926. С. 98.

²⁵ Там же. С. 106 – 107. Подробнее о критике Ф.А. Степуном искажающих все первичные смыслы «идеологий» см.: Кара-Мурза А.А. Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст // Философский журнал. 2012. № 2. С. 34 – 40.

²⁶ Степун Ф. Из писем прапорщика-артиллериста. С. 100 – 101.

²⁷ См.: Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. С. 290.

²⁸ Там же. Так случилось, что городскую усадьбу Спиридова-Рюхардт неоднократно рисовал из своего окна живущий на другой стороне Яузского бульвара художник Михаил Иванович Климентов (1889 – 1969). На его работах 1920-х гг. хорошо видна находившаяся в Большом Николоворотинском переулке великолепная церковь Николая Чудотворца в Воротине XVII в. На картинах конца 1930 – начала 1940-хх гг. слева от особняка Рюхардт церкви, разумеется, нет: она была снесена в 1932 г. В настоящее время подходит срок окончания капитальной реконструкции всего комплекса городской усадьбы Спиридова-Рюхардт.

²⁹ Там же. С. 175.

³⁰ Там же. С. 175 – 176.

³¹ Там же. С. 171.

³² Там же. С. 244.

³³ Там же. С. 466.

³⁴ Дружеские и литературно-издательские связи с Бунаковым-Фондаминским Степун сохранил и в эмиграции: в Париже он станет сотрудником и автором журнала «Современные записки», одним из редакторов которого был Бунаков, а позднее организует вместе с ним и Г.П. Федотовым еще одно замечательное издание – «Новый град».

³⁵ Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. С. 474. В усадьбе породнившихся с Пушкиными Гончаровых в Полотняном заводе А.С. Пушкин бывал дважды – в 1830 и 1834 гг.

³⁶ Дом под тем же № 21 сохранился и после реставрации сдается под фешенебельные квартиры.

³⁷ *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. С. 500.

³⁸ В те месяцы Федор и Наталья Степуны большую часть времени проводили в Поповке, бывшем имении Никольских в Дмитровском уезде, работая в созданной ими «трудовой коммуне».

³⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. № Р-47815.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Через несколько месяцев, уже в Берлине, в самых первых «Мыслях о России» Степун, с присущей ему честностью (в первую очередь, перед самим собой) написал: «В первую минуту получения этого известия оно прозвучало... радостью и освобождением. Запретное “хочется” по отношению к Европе и всем соблазнам “культурной” жизни становилось вдруг не только не запретным, но фактически обязательным и нравственно оправданным: не ехать же, в самом деле, вместо Берлина – в Сибирь. Грубая сила (этот опыт я вынес еще с войны) – лучшее лекарство против всех мук сложного многомерного сознания. Не иметь возможности выбирать, не располагать никакой свободой иногда величайшее счастье. Это счастье я определенно пережил, заполняя в Г.П.У. анкеты на предмет выезда за границу» (см.: *Степун Ф.А.* Мысли о России. Очерк первый. С. 398).

⁴³ *Степун Ф.А.* Мысли о России. Очерк шестой // Современные записки. – Париж, 1925. Кн. 23. С. 352 – 353.

⁴⁴ Там же. С. 352.

⁴⁵ Там же. С. 355.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 461.

⁴⁸ Этот когда-то очень изящный доходный дом с угловыми ажурными балкончиками, построенный по проекту В.А. Мазырина в 1890-е гг., подвергся в прошлом веке многочисленным переделкам и сейчас снова находится на реконструкции.

⁴⁹ *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. С. 512. Выступая на приемах в Кремле, Д.С. Шор не раз пользовался сентиментальностью некоторых его обитателей, чтобы выхлопотать чье-то помилование. Когда в печальном для интеллигенции 1922 г. в Советской России начались массовые аресты сионистов, Давид Шор, через своего приятеля Льва Каменева-Розенфельда (председательствовавшего тогда, в связи с болезнью Ленина, на Политбюро), добился для них замены тюрьмы и ссылки высылкой за границу «без права возвращения». В общей сложности такая мера была применена до начала 1930-х гг. примерно к двум тысячам советских евреев (позднее, выходцы из России, которым инициатива Шора спасла жизнь, посадили в его честь рощу в поселении Бен-Шемен). В 1927 г. Д.С. Шор навсегда уехал в Палестину. Он скончался в Тель-Авиве в 1942 г.

⁵⁰ Подробнее об этом, последнем московском адресе Н.А. Бердяева см.: *Карамурза А.А.* Бердяевская Москва. Опыт философского краеведения // Философские науки. 2014. № 4. С. 71 – 77.

⁵¹ *Степун Ф.А.* Мысли о России. Очерк первый. С. 399. Позднее, в мемуарах, Степун добавит к этому описанию фразу, важную для него лично: «Если бы в моей памяти не темнел небольшой кабинет Николая Александровича и не светилась бы красными бликами шелковая обивка его гостиной, мне было бы

много грустнее вспоминать нашу подсоветскую жизнь» (Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. С. 510). Именно в кабинете Бердяева, выходящем во двор с полуразрушенным временем и людьми домом, где прошло детство Герцена, и сговорились в 1921 г. о сборнике «Освальд Шпенглер и Закат Европы» четыре его автора: Федор Степун, Николай Бердяев, Семен Франк и Яков Букшпан. Первые трое, как известно, были вскоре высланы из России, а четвертый, талантливый экономист Я.М. Букшпан, отказавшийся покинуть страну, был через несколько лет расстрелян.

⁵² Там же. С. 155.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Степун Ф.А. Мысли о России. Очерк первый. С. 398 – 399.

REFERENCES

- Fedotov G.P. Sud'ba I Grekhi Rossii. – St.-Peterburg, 1992.*
*Kara-Murza A.A. Berdyavskaya Moskva. Opit filosofskogo kraevedeniya // Philo-
sofskiye nauki. 2014. № 4.*
*Kara-Murza A.A. Dante I Pushkin (Florentiysko-moskovskiyе razmishleniya
B.K. Zaitseva // Rossiya, istoriya I polirika: k 80-letiyu I.K. Pantina. – M., 2010.*
*Kara-Murza A.A. Как idei prevrashautsya v ideologii: rossiysky kontekst // Philo-
sofskiy jurnal. 2012. № 2.*
*Segal (Rudnik) N. Andrei Belyi I Fedor Stepun: Pamiat I Vospominaniye // Toronto
Slavic Quaterly. 2012. № 42.*
Stepun F.A. Avtobiograficheskiy Oчерk // Stariye – molodim. – München, 1960.
Stepun F.A. Bivshee I Nesbivsheesya. – St.-Peterburg, 2000.
Stepun F.A. Iz pisem praporshika-artillerista. – Praga, 1926.
Stepun F.A. K fenomenologii landshafta // Trudi I dni. 1912. № 2.
Stepun F.A. Sochineniya. – M., 2000.

Аннотация

Русский философ Федор Августович Степун (1884 – 1965) родился в Москве и многие годы жил здесь вплоть до своей высылки из Советской России в 1922 г. На большом фактическом материале автор уточняет московские адреса Степуна, показывает, как обстоятельства жизни Степуна в Москве были связаны с разными этапами его интеллектуального творчества и общественной жизни.

Ключевые слова: Москва, общественная жизнь, философия, Первая мировая война, революция, эмиграция.

Summary

Russian philosopher Fedor Avgustovich Stepun (1884 – 1965) was born in Moscow and lived there until his exile from Soviet Russia in 1922. Based on a considerable factual material the author determine Stepun's Moscow address, shows how Stepun's Moscow circumstances were related to different stages of his intellectual work and public life.

Keywords: Moscow, public life, philosophy, WW1, revolution, emigration.